

Б.З. Нанзатов

Калмыцкий научный центр РАН
ул. И.К. Илишкина, 8, Элиста, 358000, Россия
E-mail: nanzatov@yandex.ru

Потомки Элюдэя: проблема ойратско-бурятских этнических связей

В этнической истории монгольских народов Внутренней Азии, в частности ойратов, важную роль сыграли олёты как главенствующая группа среди ойратов на раннем этапе их этнической истории. В данной работе предпринята попытка прояснить один из пробелов в этнической истории тюрко-монгольских народов на примере этнонима «олёт». Основную проблему в исследовании этногенеза ойратов представляет ограниченность источниковой базы. Ее расширение предлагается за счет материалов устного народного творчества – эпических произведений, генеалогических легенд и преданий бурят и саха (якутов). Необходимость обращения к ним обосновывается гипотезой об участии олёт в этногенезе этих народов, которая подтверждается реконструкцией протоформы ряда бурятских и якутских этнонимов и эпонимов. Сравнительно-исторический анализ последних вскрывает бурятско-якутские этногенетические связи и участие в этногенезе якутов монгольского пласта. Эти факты позволяют шире взглянуть на проблему взаимодействия тюркских и монгольских народов. Этническая история олёт показывает, что они были расселены на обширных пространствах Внутренней Азии и Сибири, вошли в состав разных тюркских и монгольских народов, сохранив свою этническую идентичность, заняли ключевые позиции в этногонических легендах не только дербен-ойратов, но и бурят, якутов. Результаты исследования отражают сложность этнических процессов в среде монгольских и тюркских кочевников Евразии. Полученные данные способствуют уточнению этнического состава населения Монголии, Бурятии и Якутии и расширению алтаистических исследований.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, этногенез, фонетическая реконструкция, этноним.

B.Z. Nanzatov

Kalmyk Research Center,
Russian Academy of Sciences,
I.K. Ilishkina 8, Elista, 358000, Russia
E-mail: nanzatov@yandex.ru

Descendants of Eleudei: The Problem of Oirat-Buryat Ethnic Contacts

Eleuths (Ölöts) played an important part in the ethnic history of the Mongol peoples of Inner Asia, in particular of the Oirats, being the dominant group of the Oirat union at the early stages of its history. In this study, an attempt was made to fill in one of the gaps in the ethnic history of the Turko-Mongol peoples, using the ethnonym “Ölöt”. The major limitation in studying the Oirat ethnic history is the insufficiency of sources. Much can be gained from using Buryat and Sakha (Yakut) folklore, specifically epics, genealogical legends, and tales. The reason is that the Ölöts, according to one of the hypotheses, took part in the formation of those peoples. This idea is supported by the reconstruction of protoforms of certain Buryat and Yakut ethnonyms and eponyms. Their comparative and historical analysis indicates ethnic ties between the Buryats and the Yakuts, and their participation in the ethnic history of the Mongolian stratum. These facts open up a wider perspective on Turko-Mongol ties. The Ölöt ethnic history shows them to have been distributed across vast territories of Inner Asia and Siberia, eventually becoming a component of various Turkic and Mongolian groups, while preserving their identity and featuring prominently in ethnogenic legends not only of Dörben-Oirats, but of the Buryats and Yakuts as well. The findings of this study attest to the complexity of ethnic processes among the Mongolian and Turkic speaking nomads of Eurasia. Also, they contribute to the understanding of the ethnic composition of Mongolia, Buryatia, and Yakutia, thus widening the scope of studies on the Altai.

Keywords: Inner Asia, Turko-Mongol peoples, ethnogenesis, phonetic reconstruction, ethnonyms.

Введение

Глубинные исследования этнонимов тюркских и монгольских народов позволяют расширить знания об этнической истории степного пояса Евразии. В данной работе на примере этнонима *олѐт/элѐт/элют/өлѐд/өөлѐд/öölöd/ögeled/ügeled/ögälät/öliyed* предпринята попытка установить участие одной из ветвей ойратской общности (олѐтов и шире ойратов) в этногенезе бурят и якутов. В этнической истории ойратов важную роль сыграли олѐты, в особенности на ранних этапах развития ойратской общности, поскольку, по общему убеждению исследователей, после распада Монгольской империи они стали главенствующей группой среди ойратов. В разные периоды отмечаются изменения статуса этнонимов «олѐт» и «ойрат»: первый распространяется на всех ойратов и, наоборот, олѐты становятся частью ойратов. Такая динамика в иерархии этнических общностей нуждается в уточнении событий, повлекших эти изменения. Частично информацию дают письменные источники. Однако следует отметить противоречивость их сведений. В исследованиях этногенеза и этнической истории письменные источники далеко не всегда являются ключевым звеном, что не исключает их использования с известной долей осторожности.

История ойратов достаточно подробно освещена в дошедших до нас хрониках, однако сведения об олѐтах довольно скудны, т.к. большинство авторов принадлежали к другим ветвям ойратов (Батур-Убаши Тюмень, Габан Шарап и др.). В статье А. Бирталан по этногенезу олѐтов указано всего два письменных источника и практически полностью отсутствуют материалы устного народного творчества (генеалогические предания, легенды) [Birtalan, 2002]. Необходимо расширить источниковую базу. В данной работе внимание сфокусировано на этнической истории олѐтов, географии их расселения в целях реконструкции этнической карты Внутренней Азии в разные периоды. Особый интерес представляет идентичность олѐтов.

Методологической опорой являются историко-сопоставительный и историко-лингвистический методы, применяемые в исследованиях по этногенезу, а именно при изучении этнонимов и эпонимов. Продолжительный период со времени падения династии Юань в истории Северной Монголии (включая Прибайкалье, Туву, Хакасию, Западную Монголию) известен как «темный» из-за отсутствия письменных источников. Дошедшие до наших дней памятники XVIII–XIX вв. являются компиляцией несохранившихся сочинений. Осложняет ситуацию утрата западными бурятами и якутами, в состав которых вошли и олѐты, письменных традиций. Несмотря на наличие соответствующей терминологии, книг того времени у них не обнаружено. В определенной мере восполнило эту лауну развитое устное народное творчество,

включающее широкий спектр эпических произведений, генеалогических легенд и преданий. В основу предлагаемой гипотезы легли материалы, записанные в первой половине XVIII в. Я.И. Линденау у виллюйских якутов [1983, с. 18] и в конце XIX в. М.Н. Хангаловым у кудинских бурят [1960, с. 107–108]. Термин «олѐт» упоминается в ойратских хрониках.

В истории ойратов в поздний период правления династии Юань, эпоху Мин и времена маньчжурского владычества отмечены сложные этнические процессы: добровольные и насильственные миграции, смешение и разделение ойратской общности. Все это послужило причиной формирования многоуровневой системы идентичности ойратов. На разных этапах развития ойратской общности этноним «олѐт» объединял большинство ойратов и утрачивал свою актуальность (подробнее см.: [Терентьев, 2017]). Это обосновывает интерес к этнической истории олѐтов. Важной задачей видится исследование их роли в этногенезе бурят, занимающих северную периферию монгольского мира.

Дисперсное расселение олѐтов (по рекам Или, Харашар, Алашань, Кобдо, Хайлар) было вызвано целым рядом причин: конфликтами с другими народами, распрями среди знати, насильственной миграцией в эпоху Цин. По данным Г. Лижэе, они являлись одной из групп монгольского населения Синьцзяна и составляли 21 сомон [2008, х. 12–14]. К настоящему времени известны такие группы олѐтов, как кобдоские (сомон Эрдэнэбурэн), архангайские (сомоны Хотонт, Улзийт) в Монголии [Дисан, 2012, с. 107]; монгол-хурэ, эмелинские, хутагтын-хурэ, хара-ус (Синьцзян) [Лижэе, 2008, х. 12–14], хулунбуирские (аймак Хулунбуир АРВМ) в Китае [Цыбенев, 2017]; сарт-калмаки в Кыргызстане (см.: [Нанзатов, Содномпилова, 2012]). Кроме того, небольшие группы олѐтов широко представлены практически на всей территории Монголии (подробнее см.: [Очир, Дисан, 1999, х. 11–13]), присутствуют среди тувинцев, в частности среди оюн-наров и хомушку [Дулов, 1956, с. 130, 134]. В среде дархатов их отметил Г.Д. Санжеев [1930, с. 12]. Среди западных бурят олѐты, также известные как сэгэнугты, наряду с булагатами и эхиритами представляют одно из старейших племенных объединений. В их составе отмечены такие подразделения, как икинат и зунгар [Хангалов, 1890а, с. 88; 1960, с. 107–108].

Письменные источники

Согласно одной из версий этнической истории ойратов, олѐты являются предками чоросов по материнской линии: Оолинда Будун-тайши – дочь олѐта Боохана, – выйдя замуж за хойтского принца, положила начало роду Чорос [Okada Hidehiro, 1987, S. 210]. По письменным источникам этноним «олѐт» стал

известен лишь на рубеже XV–XVI вв. Так, в одном из них говорится о выделении подданных Хамаг-тайджи (внука Эсэн-хана), имевших этноним *ügeled/ööld*, из более крупной к тому моменту общности чоросов (*čoros*) [Oyirad teüke-yin..., 1992, q. 9]. В «Сказании о дербен-ойратах» сообщается, что «с того времени, когда калмыки, носящие красную нить на шапке (*ulan zalatu xalimaq*) получили прозвание “ойраты-элёты” (*oyirad öyilöd*), до нынешнего года “земли-зайца” прошло 382 года» [1969, с. 17–18]. По расчетам В.П. Санчинова, это событие произошло в 1438 г., когда ойратский правитель Тогон-тайши из знатного рода Чорос (Цорос) наголову разбил восточно-монгольского верховного хана Адая и стал во главе первого союза дербен-ойратов [Письменные памятники..., 2016, с. 21].

В сочинении Батур-Убаши Тюменя говорится об откочевке олётсов к хазалбашам [2003, с. 127]; откочевка за р. Манхан упоминается в «Истории Хо-Öрлöка» [Письменные памятники..., 2016, с. 31]. Б.У. Китинов провел исследование миграции олётсов на запад в контексте религиозной ситуации у ойратов в XV – начале XVI в. [2017]. По его мнению, причиной распада олётской общности послужил брак Аш-Темур (Амасанджи-тайши) и дочери правителя Могулистана, главным условием которого было принятие их детьми ислама. Впоследствии между отцом и сыновьями Ибрахимом (亦卜刺因 Yiboláyin) и Ильясом (亦刺思 Yilāsī)* возник конфликт из-за религиозных разногласий, в результате чего сначала Амасанджи-тайши ушел в Могулистан (но потом вернулся), а позже его сыновья. Все это случилось, по данным источника «Тарих-и Рашиди» в период с 1469 г. по 1504–1505 гг. [Serruys, 1977, p. 375; Хайдар, 1996, с. 115], а по мнению В.В. Бартольда – в 1472 г. [1898, с. 81–82]. Б.У. Китинов считает, что события, последовавшие за браком Аш-Темур (Амасанджи-тайши, Эсмет-Дархан-нойон), привели к гибели большей части олётсов и их правящего рода Чорос [2017, с. 378].

В первой половине XVIII в. основная масса олётсов была расселена на территории Джунгарского ханства. После его падения в 1757–1758 гг. произошли значительные изменения (подробнее см.: [Очинов, 2010]). На завершающем этапе истории Джунгарского ханства, понятие «джунгары (*jūnḡar/зүүнгар*)» включало все ойратское население. Свидетельством этого является наличие в составе калмыцких зюнгаров таких крупных самостоятельных подразделений, как торгуты, хойты, урянхусы и теленгиты [Митинов, 1998, с. 142; Шантаев, 2009, с. 142; Бакаева, 2016, с. 87]. Но после падения Джунгарии этноним «джунгар (*sungar/jüünḡar/зүүнгар*)» был официально запрещен, а «олёт (*eleuths/өөлөд*)» стал официальным наименованием большей части ее ойрат-монгольского населения [Fang Chao

Ying, 1943, p. 11]. Таким образом, в эпоху Цин зюнгары стали называться олётсами, как и прежде. В то же время официально на территории Синьцзяна (Джунгария и Восточный Туркестан) фиксируются торгуты, хошуты, дербеты, чахары, урианхай и захчины [Лижэе, 2008, х. 8–18]. Следовательно, основу населения олётских хошунов и сомонов здесь составили близкородственные олётсы и зунгары, а другие группы ойратов проживали отдельно. О том, что именно олётсы с 1437 г. стали называться джунгарами повествуется в сочинении «История Хо-Öрлöка»: «...yool dumda ni Qoşud čerig, jегün bey-e-dü Ögeled-ün čerig-i jегün ḡar-un čerig gejü nereyidbei... Tegün-eče ekileged, Ögeled-tü Jегünḡar gedeg nere şinggebei, Toḡyud-tu baraḡun ḡar gedeg nere qadaḡdabai gedeg» [Письменные памятники..., 2016, с. 27] – «...в центре находилось войско хошутов, на левом фланге (*зүүн бийдэ*) – войско элётсов, которое назвали *зүүнгарын цэрэг* (войском левого крыла)... Говорят, что с того времени за элётсами закрепилось название “джунгары” (*зүүн гар*), за торгутами – название *баруун гар* (правый фланг)» [Там же, с. 33–34]. Также примером того, как соотносились этнонимы «ойрат» и «олёт», является ойратский письменный памятник «Илэтхэл шастир», в котором они были взаимозаменяемы [Санчинов, 1990, с. 45–46].

История олётсов, оставшихся во Внешней Монголии, подробно освещена О. Оюунжаргал в монографии, впоследствии вышедшей и в переводе на русский язык [2009, 2015]. Автор, подробно описав события, приведшие к формированию Олётского чуулгана (сейма), на основании «Илэтхэл шастир» и архивных источников пришла к выводу, что в его состав вошли шесть хошунов, в т.ч. олётсов, хойтов и хошутов [Оюунжаргал, 2009, х. 53–74; 2015, с. 63–83]. Однако по вопросу об этническом составе Олётского сейма существует и другое мнение. Б. Нацагдорж вместо хошутского хошуна указывает торгутский Мэргэн-цорчжи [2015, с. 183; Natsagdoj, 2015]. В любом случае, самыми многочисленными были олётсы, чьим именем и назван чуулган.

Представленные выше материалы письменных источников, отражающие этапы развития ранней олётской общности, все еще остаются дискуссионными. Следует отметить, что в контексте задач данной работы вопрос о соотношении чоросов и олётсов не является принципиальным. Исследование сложного расселения нескольких анклавов разделенной олётской общности представляет интерес с точки зрения участия одной из ее ветвей в консолидации баргу-бурят.

Материалы и обсуждение

Этноним. Как отметил Окада Хидехиро, маньчжурские использовали *Ölöd*, транскрибируемый по-

*Об Ибрахиме и Ильясе см.: [Serruys, 1977, p. 375].

маньчжурски *Ület*, в качестве синонима *Oyirad*. Термин *Ölöd* был китаизирован как *E-lu-t'e*, от которого произошел европейский вариант *Eleuths* [Okada Hidehiro, 1987, S. 197]. Отметим, что ойратов маньчжуры называли *Ugüt* [Crossley, 2006, p. 80].

Наличие Олётского сейма в составе Цинской империи до завоевания Джунгарии дает возможность разрешить проблему соотношения терминов *oïrat/oyirad* и *olēm/ölöd* в эпоху Цин. По нашему мнению, последний заместил в глазах маньчжурской администрации понятие «ойрат» в связи с формированием первого ойратского чуулгана в составе империи. Сейм, названный по имени крупнейшего ойратского подразделения, стал отправной точкой идентификации всего западно-монгольского населения.

Одной из первых европейских работ об ойратах была книга И. Бичурина, вышедшая в 1834 г. Именно в ней указано о существовании разночтения в этнониме: «Князь *Элютэй* был столь славен в Монголии, что по его имени и всему его поколению дано название *Элют*. Слово *Элютэй* по Китайскому произношению: *Оломтай*, по Монгольскому же выговору следует писать *Элютэй*, а от сего *Элют* название поколения» [Бичурин, 1834, примеч. 20]. Возможно, в основу этого утверждения легла фраза из рукописи В.М. Бакунина, опубликованной значительно позднее: «Но сие достоверно, что в XVI веке калмыцкий народ назывался на их языке ойрот, а по-мунгальски *ойлюот*» [1995, с. 20]. В.М. Бакунин (1700–1766) как чиновник и переводчик с калмыцкого языка сопровождал китайское посольство к калмыкам в 1731 г. Возможно, именно это событие повлияло на восприятие экзотонима *oïrom* (*Oyirad*) как *ойлюот* (*Ölöd*). Долгое время в монголоведении не было однозначной позиции по данному вопросу, некоторые исследователи считали, что китайское 厄鲁特 (*О-лу-мэ/Èlütè*) и есть искаженное *oïrom/Oyirad* [Успенский, 1880, с. 127; Bretschneider, 1888, p. 168].

Трудноразрешимой проблемой видится кажущаяся фонетическая близость этнонимов 卫拉特 (*Вэй-ла-мэ/Weilātè*) – «ойрат» и 厄鲁特 (*О-лу-мэ/Èlütè*) – «олёт» в китайском языке цинского времени. Наличие в предшествующие эпохи иероглифических терминов, обозначающих ойратов (斡亦剌惕 (*Во-и-ла-ти/Wōyilātì*) в юаньское время [Юань-чао..., 1936, с. 58], 瓦剌 (*Ба-ла/Wālà*) [Мин ши; Покотилов, 1893, с. 32; Hambis, 1969, p. 93; Pelliot, 1960, p. 6] / 衛拉特 (卫拉) (*Вэй-ла-мэ/Weilāte*) в минское [Мин ши (сыку цюаньшу эбнь); Pelliot, 1960, p. 8]), с одной стороны, и отсутствие таковых для понятия «олёт» – с другой, позволяет допускать, что последнее передавалось тогда китайскими историографами термином *oïrom/oyirad*, написание которого изменялось в связи с развитием фонетики китайского языка. Присоединяемся к мнению П.К. Кроссли о том, что недопустимо считать

olot/ölöt возвратной конструкцией к китайскому *elete/weilete* [Crossley, 2006, p. 80–81].

Важным остается вопрос об этимологии этнонима *Öölöd*. Существует гипотеза китайского исследователя Алтаноргила о его происхождении от *өөлий* («крупный, мощный») [Altanorgil, 1987, q. 145]. А. Очир считает, что данный этноним восходит к корню *öge*, указывая в качестве примеров имена из Сокровенного сказания монголов: *öge-lün* (eke), *öge-lei* (čerbi), *öge-dei* (qayan) [Kuribayashi, Chojinjab, 2001, § 13, 55, 93, 191, 214, 226, 255, 270]. Далее он предлагает связать развитие *ögeled* в *elēd* со значением «их, ууган, насжуу» («большой, старший, рослый, пожилой»), допуская *öleged* > *eleged* [Очир, 2008, x. 150–151; 2016, с. 148]. Однако это противоречит гипотезе о корне *öge*, т.к. возможность перехода *VgVIV* > *VIVgV* не отмечена. Г.О. Авляев связывает этноним «олёт» с глаголом *огулэху* (*өөлэху*) – «обижаться, быть недовольным чем-то». Соответственно, он считает, что этноним имеет значение «обидевшиеся», «обиженные» или «недовольные» [Авляев, 2002, с. 55, 192, 194].

Наиболее достоверной, по нашему мнению, является версия японских исследователей о происхождении этнонима *Öölöd* от *ögelen* со значением «брат по матери, но от другого отца» [Ханеда Акира, 1971, p. 561–565; Okada Hidehiro, 1987, S. 210]. Ханеда Акира обнаружил в монголо-французском словаре А. де Смедта и А. Мостарта сочетания *ögelen köbegün* – «fils d'un autre lit» («пасынок»), *ölön aça dü / ula aça diü* – «frères nés de la même mère, mais de pères différents» («братья, рожденные от одной матери, но от разных отцов, единоутробные братья»), *ula k'adzi diü* «soeurs nées de la même mère, mais de différents pères» («сестры, рожденные от одной матери, но от разных отцов, единоутробные сестры») [Smedt, Mostaert, 1933, p. 469; Ханеда Акира, 1971, p. 562]. Окада Хидехиро, развернувший доказательства, привлек еще одну работу А. Мостарта, в которой было представлено несколько словосочетаний с *ögelen/ölö*: *ölö k'ü* – «fils d'un autre lit» (= *daqawurk'ü*) / *ögelen köü* – «a stepson» («приемный сын, пасынок»), *ölö k'üthchet* – «enfants d'un autre lit» (= *daqawurk'üthchet*) / *ögelen keiked* – «stepchildren» («приемные дети»), *ölön e'ts'ige* – «le second mari de la mère» («второй муж матери») / *ögelen ečige* or *qoyitu ögele* – «a stepfather» («отчим») [Mostaert, 1942, p. 531; Okada Hidehiro, 1987, S. 210]. Кроме того, он предложил под термином *ögele(n)+d* понимать родственные связи хойтов и баатутов с чоросами. Одним из подтверждений версии японских исследователей является сочинение «*Oyirad teüke-yin durasqal-ud*», в котором прямо сказано, что трех князей, правнуков ойратского Эсна-тайши, сыновей его внука Хамаг-тайши, называли олётами: «...второй сын Эсна – Онггоца, его сын – Хамаг-тайши. Из трех сыновей Хамаг-тайши старший – Рагнанчинсанг, второй – Нуханай, третий –

Онгой (Онгуи). Этих трех князей называют элэтами. Став во главе ойратов, они откочевали по наущению Шара шулмы...» [1992, с. 9; Письменные памятники..., 2016, с. 195–196]. Проблема родственных связей корневой основы *ögele(n)* в монгольских языках с *ög, oq* либо иной основой в тюркских или других языках не решена и является темой отдельного исследования.

Эпоним. В монгольской историографии решение вопроса о происхождении олэтов обычно ограничивается поисками среди лесных племен и указанием на их упоминание в числе дербен-ойратов, например, у Батур-Убаши Тюменя и Габан Шараба [Сказание..., 1969, с. 19; Батур-Убаши Тюмень, 2003, с. 127; Габан Шараб, 2003, с. 84]. К сожалению, ни в Сокровенном сказании монголов (*Mongγol-un niγuča tobčiyān*), ни в Сборнике летописей Рашид-ад-Дина (*Jāmī al-Tawāfiḡh*) этноним *Ölöd/Öyilöd/Ögeled* не упоминается. Отсутствие термина в таких важных письменных источниках позволяет авторам допускать возможность расселения олэтов в составе дербен-ойратов в пределах Секиз-мурена (*Sekiz-Mören*) и Баргуджин-токума (*Barqujin-töküm*), известных по тем же источникам [Козин, 1941; Pelliot, 1949; Рашид-ад-Дин, 1952; *The Secret History...*, 2004].

Исследователи упустили один из важнейших источников по этногенезу – устные этногонические легенды и предания. С историей Баргуджин-токума связана легендарная этническая генеалогия бурят. Так, М.Н. Хангалов еще в XIX в. записал и опубликовал предание о Баргу-баторе [18906]. Весьма примечательным является фрагмент о его старшем сыне: «По кудинскому преданию, родоначальником бурят был Барга-батур, который жил около Тобольска и имел трех сыновей; старшего звали Илюдэр-Тургэн, среднего – Гур-бурят, младшего – Хоредой-мэргэн. Впоследствии Барга-батур со своими двумя сыновьями Гур-бурят и Хоредой-мэргэном из Тобольска двинулся на восток, а старшего сына, Илюдэр-Тургэна, оставил в Тобольске, сказав ему: “Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье – на старом месте!” Так Илюдэр-Тургэн и остался на старом месте. От него произошли нынешние калмыки, живущие в Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерниях. О том, как потомки Илюдэр-Тургэна переселились из Тобольска на запад, бурятское предание не знает. Некоторые потомки Илюдэр-Тургэна, по-видимому, пришли потом и на восток; по крайней мере, бурятские роды Балаганского ведомства, Зунгарский и Икинатский, считаются из племени калмыков, по-бурятски: өлөд или сэгэнүт» [Хангалов, 1960, с. 107–108]. В опубликованной Сумъябатааром рукописи «Бодонгуудын угийн бичиг» («Родословная Бодонгутов») агинских бурят, переселившихся в Монголию, упоминается Өлидэй (*Ölidei*) – сын Баргу-батора (*Barγu bayatur*), старший брат Бурядая (*Buriyadai*) и Хорудая (*Qorudai*) [1966,

х. 179]. Эта форма наиболее близка якутской *Eldei*, от которой речь пойдет далее.

Возвращаясь к образу князя Элютэя, впервые упомянутого в работе И. Бичурина, следует отметить, что возник он, вероятно, не на пустом месте. По мнению В.П. Санчирова, автора предисловия к изданию 1991 г., здесь допущена ошибка при транскрибировании имени Аругтай [Бичурин, 1991, с. 17]. Правильность этого мнения подтверждается А. Серрюи, подробно исследовавшим историю монголов минского времени: ему удалось обнаружить реальное историческое лицо, представителя монгольской знати с именем *Aruγtai* (阿魯台 *A-lu-mai/A-lu-t'ai*) [Serruys, 1959, p. 217; 1977, p. 358]. Полагаем, что причиной ошибки И. Бичурина могли послужить известные ему генеалогические предания, согласно которым часть олэтов была уведена «желтым шулмусом» на юг, а другая часть ушла на север, покинув земли Северной Монголии, и обосновалась в Прибайкалье. Возможно, именно с последними связан образ, вошедший в бурятскую устную традицию и претерпевший к XIX в. некоторые фонетические изменения: *Ölölödei > Elüdei > Ilüder(-Türgen)*. Данное слово могло прийти только от самих олэтов, оказавшихся среди предков бурят. В свою очередь, о возможности бытования у олэтов этнонима в виде не только *Ölöd*, но и *Ölödöi* косвенно свидетельствует список отоков Джунгарского ханства, где он указан как *Ölölödei* [Atwood, 2006, p. 627]. Еще одним возможным доказательством движения олэтов на север является эпоним Эллей у якутов [Исторические предания..., 1960, с. 57–86], точнее его архаичная форма, зафиксированная в XVIII в. Я.И. Линденау: «Когда она выросла, пришел к ним беженец по имени *Ersogothor*, или, как они его еще иначе называют, *Elei*, или *Eldei-Bator*. Ему отдал *Omogon* свою приемную дочь, и у них было 8 сыновей и 4 дочери: *Antantüik*, *Barkutai*, *Kordoi*, *Kogosuk*, *Bolotoi*, *Katamaldai*, *Tscheriktei*, *Artbudai*. <...> Словом *Elei*, или *Eldei-bator*, обозначают они воинственного мужчину и законодателя (*Gesetzgeber*). Имена даны людям по их качествам. Эти сыновья *Eldeei-bator*'а стали со временем родоначальниками различных широко разветвленных родов» [1983, с. 18].

Следует отметить, что в случае с эпонимом *Omogon* у Я.И. Линденау и *Omoyoi* в устных преданиях (бурят, пришедший на среднюю Лену в долину Туймаада) [Там же; Ксенофонтов, 1977, с. 29], по нашему мнению, имеется параллель с бурятским эпонимом *Обоюон*. Булагатская группа племен, известная как *Обогони олон*, по преданиям произошедшая от предка с таким именем, действительно расселена в долине Ангары и ее притоков Осы, Обусы, Унги. То есть в случае с *Omogon* обнаруживается вполне реальная племенная группа [Нанзатов, 2017а, б]. По аналогии весьма вероятно участие в этногенезе якутов пле-

мени *Ölöd*, представленного эпонимом *Eldei/Eldeei*, фонетическая форма которого соответствует одному из этапов развития *Ölöldei > Elüdei > Ilüder(-Türgen)*. Используемая большинством якутов форма *Ellei* отражает широко распространенный процесс $l < ld$ (подробнее см.: [Грамматика..., 1982, с. 67]).

Открытым остается вопрос о фонетическом преобразовании этнонима *ügeled/öölöd* в *Ölöldei > Elüdei > Eldei* (якут.) или *Ölöldei > Elüdei > Ilüder(-Türgen)* в бурятской среде. А. Очир, предложив версию развития *öleged > elegend*, коснулся важной для нас темы трансформации этнонима в эпоним, известный среди бурят и якутов. По нашему мнению, эта трансформация могла произойти под влиянием фонетически близких, но семантически разных корневых основ. Зафиксированное Б.Х. Тодаевой слово *элэде* (*эледе*) со значениями «значительный, большой; более чем достаточный, обильный; старший» [2001, с. 471] вполне могло оказаться основой эпонима, представляющего *старшего* сына Баргу-батара, *старшего* брата Гур-Бурята и Хоредоя. Также можно допустить влияние другого фонетически близкого слова *илдэн* (письм.-монг. *ildeng*, кит. 伊尔登 *yī'ěr dēng*, ср. монг. *ilde* 'без занятия, без должности') [Kowalewski, 1844–1849, p. 306], которое в XV–XVIII вв. являлось эпитетом в титулах [Урангуа, 2000, х. 55], например *Dorji-ildeng-noyan* [Dayičin ulus-un..., 2013, t. 34], а также неоднократно встречалось в личных именах.

Относительно замены инициального звука $ö > e > i$ можно обратиться к труду Б.Я. Владимирцова, установившего параллели $e : ö = i : o \sim u = i : ö \sim ü$ [1929, с. 185–190]. Эпоним образован следующим образом: этноним *Ölöd* и имяобразующий гендерный аффикс *-tai* (подробнее о *-tai* см.: [Kempf, 2006]). Что касается суффикса *-dar/-der*, то уже высказывалось мнение о его применении в бурят-монгольской этнонимии как словообразовательного форманта, чаще всего обозначающего масть лошади [Нанзатов, Сундуева, 2017]. Парным с *Илюдэр* является эпитет *Тургэн* («быстрый»). По нашему предположению, трансформация *-dei > -der* в имени, т.е. $(ö/e)l(i/e/ü)dei > (e/i)lüder$, в совокупности с появлением этого эпитета может указывать на факт перевоплощения персонажа в коня в мировоззрении бурят. Сохранение же якутской формы *Eldei > Ellei* свидетельствует о том, что к предкам якутов эпоним попал еще до изменения бурятского *Ölidei*. Подробное обоснование трансформации в *Ilüder* и *Eldei* требует отдельного историко-фонетического исследования.

Близость якутского *Eldei* (*Ellei*) к эпонимам, имеющим явные параллели с бурятскими этнонимами, указывает на бурятско-якутские этногенетические связи и участие в этногенезе якутов монгольского пласта, включая баргу-бурятские (ср. *Barkutai < Barqutai < Barqu/Barqu, Kordoi < Qoridoi < Qori, Bolotoi < Bolot*) и ойратские (*Katamaldai < Qatāmal*) элементы. Этнони-

мы «баргу» и «хори» широко известны в монгольском мире, упоминались в Сокровенном сказании монголов и у Рашид-ад-дина [The Secret History..., 2004, p. 136; Rashiduddin..., 1998, p. 57]. Болот (Болотой) является эпонимом по отношению к предку группы булагатских племен (олзой, муруй и хулмээнгэ) [Хангалов, 1958, с. 102; Балдаев, 1970, с. 161, 163]. Род хатаамал зафиксирован среди кобдосских хошуту [Дорж, 2012, х. 13; Бакаева, 2017, с. 97]. Термин «*čerik*» широко распространен в тюрко-монгольской среде. Этноним *Kogosuk*, позже зафиксированный как *Хордокоосук/Хордой-Хогосуун* [Ксенофонов, 1977, с. 37], возможно, связан с $qo'a\text{-}yo'a\text{-}qoha$ либо $quba\text{-}qou\text{-}a\text{-}quu\text{-}a\text{-}uquv\text{-}a\text{-}qu\text{-}a$ (подробнее см.: [Rybatzky, 2006, S. 47, 448]) $> uwas/qoas$ у меркитов [The Secret History..., 2004, p. 39], $qoasai/quasai$ у бурят [Румянцев, 1962, с. 241–242].

Сэгэнуты. В свете этнической истории олётвов особый интерес представляет ойратский пласт в этногенезе бурят, основу которого также составляют олётты. В списке бурятских племен, составленном М.Н. Хангаловым, первым стоит Сэгэнут, или *Өлөд* [Хангалов, 1890а, с. 88; 1960, с. 101]. К этому племени исследователь относил Зунгарский и Икинатский административные роды [Хангалов, 1960, с. 107–108]. Бурятский фольклорист и этнограф С.П. Балдаев, на протяжении всей своей жизни собиравший генеалогические легенды и предания бурят, значительно расширил список сэгэнутских (олётских) подразделений. Так, по преданиям, с сэгэнутами родственными узлами связаны такие бурятские племена, как икинаты (ихинад), зунгар (зүүнгар), букот (бухэд), дурлай, тугут, хайтал, торгоут, нойот (ноёд), манхалют (манхалюуд), барунгар (баруунгар). Через брачные связи сэгэнутам родственны курумчи (хурумши), толодой (төлөөдөй), а икинатам – нарат (наратай/нарад) (подробнее см.: [Балдаев, 1970, с. 333]). Здесь обнаруживаются такие ойратско-бурятские параллели, как названия крупных ойратских объединений *зүүнгар/зунгар*, *торгууд/торгоут*, а также малых племен: *ноён* среди кобдосских олётвов и *нойот* (ноёд) у бурят, *бухунут* (*bükünüt, бүхнүүд, бүгүнүд*) в составе олётвов, *дербетов*, *захчинов* [Монгол Улсын..., 2012, х. 46, 109, 430; Pelliot, 1960, p. 124] и *букот* (бухэд) у бурят.

Интересен бурятский термин *икинат*, являвшийся названием крупнейшего подразделения олётвов-сэгэнутов. Анализ хакасского этнонима *ыгы* (игинцы) показал, что его вероятным развитием было $*ык\text{-} > *ыкы > ыгы \sim агы$. Вполне допустимо параллельное развитие исходного этнонима в хакасской и бурятской среде: $*-qī\text{-} > *-ki\text{-} > -iχī\text{-} > iχī+nA+d$ [Нанзатов, Тишин, 2019, с. 124]. Как бы то ни было, предком обеих групп могло быть коренное население Восьмиречья, откуда этноним попал к хакасам и бурятам.

Относительно олётско-бурятских связей можно привести такие параллели, как *боролдой* [Нанза-

тов, 2018, с. 38, 135, 143], хар барга и тольтон барга [Очир, Дисан, 1999, х. 81] у кобдоских олётгов и бурят. Кроме того, и у тех, и у других встречаются широко распространенные среди монголов этнонимы *чонос/шоно*, *авгас/абаганад*, *дархад/дархат*, *көөхүй/хухыт* (*хүүхэд*) (см.: [Очир, Дисан, 1999, х. 34, 43, 56, 61; Нанзатов, 2018, с. 29, 39, 43]). Свидетельством ойратско-бурятских связей может быть наличие общего мотива (вскармливание младенца совой) в легендах о происхождении ойратских чоросов и бурятской этнической группы уляба [Авляев, 1981, с. 64].

Есть версии происхождения этнонима *сэгэнүт* (бур. *Сэгээнүүд/сэгээнэд*) от *сэгээн* – «голубой, светлый» [Нанзатов, 2005, с. 55] (ср.: ойр. *segen*, халх. *cegeen*, бур. *segeen*, ордос. *čigēn*, калм. *cege:n* ‘светлый, яркий, прозрачный, белый’. Монг. > як. [Kałużynski, 1995, S. 258–259]). Д.В. Цыбикдоржиев связывает его с этнонимами «cingnüt (čingnüt)» и «чикэ», упомянутыми соответственно в хоринской летописи XIX в. Ш.-Н. Хобитуева и «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна [Бурядайт..., 1992, х. 95; Балданжапов, 1970, с. 141; Цыбикдоржиев, 2012, с. 140–143].

Заключение

Обнаруженные параллели между бурятскими олётгами-сэгэнүтами и ойратами, олётгами Монголии и бурятами свидетельствуют о глубоких ойратско-бурятских связях. Главным выводом нашего исследования является то, что ойраты приняли активное участие в этногенезе бурят. Ойратский пласт, отраженный в бурятских этногонических легендах, представляет старшую ветвь ранней баргу-бурятской общности. От нее отделилась группа, оказавшая значительное влияние на этногенез якутов. Ойраты, ушедшие на север, утратили этноним, но сохранили эпоним, оставив след своего присутствия. Таким образом, традиционная теория о южном происхождении (Прибайкалье) предков саха (якутов), которая подробно представлена Г.В. Ксенофоновым [1937; 1977], сделавшим первые шаги в обнаружении бурятско-якутских параллелей, и поддержана А.П. Окладниковым [1955], получила новое доказательство.

Участие ойратов в этногенезе бурят и якутов позволяет шире взглянуть на проблему взаимодействия тюркских и монгольских народов. Выявленные данные могут быть использованы при составлении карт этнического состава Монголии, Бурятии и Якутии. В этнической истории олётгов, оказавшихся разделенными, вошедших в состав других народов, сохранив идентичность, занявших ключевые позиции в этногонических легендах не только дербен-ойратов, но и бурят, якутов, отражены сложные этнические процессы в среде монгольских и тюркских кочевников Евразии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации (Соглашение о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий № 075-15-2019-1879).

Список литературы

Авляев Г.О. Этнонимы-тотемы в этническом составе калмыков и их параллели у тюркских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. – С. 62–71.

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. – 2-е изд., испр. и перераб. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. – 325 с.

Бакаева Э.П. О составе олётгов Монголии и калмыков-зюнгаров // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – С. 84–91.

Бакаева Э.П. Хошуты Калмыкии и Монголии: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 1. – С. 83–101.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вступ. ст. М.М. Батмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. – 158 с.

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – Ч. 1: Булагаты и эхири-ты. – 362 с.

Балданжапов П.Б. Altan Tobci: Монгольская летопись XVIII века. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 415 с.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. – Верный: [Тип. Семиреч. обл. правления], 1898. – 170 с. – (Памятная книжка Семиреченской области на 1898 г.; т. 2).

Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / ред. А. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – С. 125–155.

Бичурин И. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – СПб.: [Тип. мед. департамента Мин-ва внутр. дел], 1834. – 266 с.

Бичурин И. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / предисл. В.П. Санчинова. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 127 с.

Бурядайт түүхэ бэшэгүүд. – Улаан-Удэ: Бурядайт номой хэблэл, 1992. – 240 х.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1929. – XII, 436 с.

Габан Шараб. Сказание о дербен-ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / ред. А. Бадмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – С. 84–110.

Грамматика современного литературного якутского языка / отв. ред. Е.И. Убрятова. – М.: Наука, 1982. – Т. 1: Фонетика и морфология. – 496 с.

Дисан Т. Өөлд // Монгол улсын угсаатны зүй. – Улаанбаатар: Admon, 2012. – Т. 2. – Х. 107–166.

Дорж Е. Ховдын хошууд нарын ургийн хэлхээс. – Улаанбаатар: Хөх монгол принтинг ХХК, 2012. – 192 х.

Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 608 с.

Исторические предания и рассказы якутов / изд. подгот. Г.У. Эргис; под ред. А.А. Попова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. I. – 322 с.

Китинов Б.У. «Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI вв. // Вестн. РУДН. Сер.: Всеобщая история. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 370–382.

Козин С.М. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguča Tobčiyān. Юань чао би ши: Монгольский обыденный сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. I: Введение в изучение памятника: переводы, тексты, глоссарии. – 620 с.

Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. – Т. 1. – XII, 576 с.

Ксенофонов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.

Лижэ Г. Шинжааны ойрадууд: түүх судлал. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2008. – 118 х. – (Ser. Bibliotheca Oiratica; VI).

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под. общ. ред. И.С. Вдовина. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Мин-ши (История династии Мин), цзюань 328. – URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hant/%E6%98%8E%E5%8F%B2/%E5%8D%B7328>

Мин-ши (сыку цюаньшу бэнь) (История династии Мин), цзюань 328. – URL: [https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%98%8E%E5%8F%B2_\(%E5%9B%9B%E5%BA%AB%E5%85%A8%E6%9B%B8%E6%9C%AC\)/%E5%8D%B7328](https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%98%8E%E5%8F%B2_(%E5%9B%9B%E5%BA%AB%E5%85%A8%E6%9B%B8%E6%9C%AC)/%E5%8D%B7328)

Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 384 с.

Монгол Улсын угсаатны зүй / эрх. С. Бадамхатан, Г. Цэрэнханд. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – II боть: Ойрадын угсаатны зүй (XIX–XX зааг үе). – 534 х.

Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). – Иркутск: Радиан, 2005. – 160 с.

Нанзатов Б.З. Идинские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017а. – Т. 20. – С. 136–156.

Нанзатов Б.З. Обогони олон и бурятско-якутские связи (на примере эпонима Обогон/Омогой) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 4–6 дек. 2017 г.). – Улан-Удэ, 2017б. – С. 298–302.

Нанзатов Б.З. Иркутские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 290 с.

Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Сарт-калмаки в современном Кыргызстане // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – Вып. 3. – С. 28–49.

Нанзатов Б.З., Сундуева Е.В. Статус суффикса -дар в бурят-монгольских и тюркских этнонимах // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2017. – № 10. – С. 73–78.

Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Коренное тюркское население Ачинского округа в XIX веке: этнический состав и расселение // Вестн. БНЦ СО РАН. – 2019. – № 4. – С. 108–131.

Нацагдорж Ц.Б. Калмыцкий хошун в Халхе в начале правления Юнчжэна (1728–1731 гг.) // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – Вып. 3. – С. 152–195.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I: Якутия до присоединения к русскому государству. – 432 с.

Очир А. Монголчуудын гарал, нэршил. – Улаанбаатар: Нүүдлийн соёл иргэншлийг судлах олон улсын хүрээлэн, 2008. – 294 х.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 304 с.

Очир А., Дисан Т. Монгол улсын өөлдүүд. – Улаанбаатар: Согоо нуур, 1999. – 212 х.

Очилов У.Б. Ойраты Западной Монголии и Северо-Западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестн. КИГИ РАН. – 2010. – № 2. – С. 9–15.

Оюунжаргал О. Манж Чин улсаас монголчуудыг захирсан бодлого: ойрадуудын жишээн дээр. – Улаанбаатар: Арвин Судар, 2009. – 215 х.

Оюунжаргал О. Ойраты в политике маньчжурской династии Цин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 240 с.

Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер. со ст.-письм. монг., транслит. и коммент. В.П. Санчирова. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 270 с.

Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. – СПб.: [Тип. Имп. Академии наук], 1893. – 242 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 2. – 315 с.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. – 268 с.

Саянжеев Г.Д. Дархаты: Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 64 с.

Санчиров В.П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. – М.: Наука, 1990. – 137 с.

Санчиров В.П. Новый ойратский источник о происхождении джунгарских князей // Монголоведение (Монгол судлал). – 2016. – № 8. – С. 13–22.

Сказание о дербен-ойратах, составленное нойном Батур-Убуши Тюменем (перевод Ю. Лыткина) // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. – Элиста: [б. и.], 1969. – С. 13–50.

Сумъябаатар. Буриадын угийн бичээс. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1966. – 316 х. – (Ser.: Studia Ethnographica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongoli; T. III, fasc. 2).

Терентьев В.И. Вопросы соотношения средневековых ойратов и современных западных монголов: версии исследователей // Восток (Oriens). – 2017. – № 3. – С. 81–93.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 489 с.

Урангуа Ж. Хэргэм, зэрэг цол өргөмжлөхүй (XVII–XX зууны эхэн). – Улаанбаатар: Наранбулаг принтинг, 2000. – 59 х.

- Успенский В.** Страна Кукэ-Нор, или Цин-Хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора (преимущественно по китайским источникам) // Зап. ИРГО. – 1880. – Т. 6, отд. II. – С. 57–196.
- Хайдар Мирза-Мухаммад.** Тарих-и Рашиди / пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. – Ташкент: Фан, 1996. – 727 с.
- Хангалов М.Н.** Племена бурят // Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск: [Тип. К.И. Витковской], 1890а. – С. 88–89. – (Зап. ВСОРГО по этнографии, т. 1, вып. 2).
- Хангалов М.Н.** Барга-батур // Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск: [Тип. К.И. Витковской], 1890б. – С. 112–113. – (Зап. ВСОРГО по этнографии; т. 1, вып. 2).
- Хангалов М.Н.** Соб. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 552 с.
- Хангалов М.Н.** Соб. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т. 3. – 422 с.
- Ханеда Акира.** Футатаби Элютэ ни цуйтэ: Дзюнгару ококу бокко-си но итисокумэн (Снова к вопросу об элютах: один из аспектов истории подъема Джунгарского ханства) // Сириин = The Shirin or the Journal of History. – 1971. – Vol. 54, iss. 4. – P. 544–565.
- Цыбенев Б.Д.** Олеты Хулун-Буира: миграции и родовой состав // Трансграничные миграции в пространстве Монгольского мира: история и современность. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – Вып. 4. – С. 143–156.
- Цыбикдоржиев Д.В.** Ойраты до и после 1207 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 120–148.
- Шантаев Б.А.** О структуре родов калмыков-зюнгаров // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. – Элиста: КИГИ РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 140–145.
- Юань-чао ми-ши** (Тайная история монголов) / ред. Ван Юнь-у. – Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1936. – 1200 с.
- Altanorgil.** Todo üsüg degere jokiyaydayсан Mongyol teüke-yin surbulji biçigüdü-ün taniłçayulıya // Öbör Mongyol-un başı-yin yeke suryayuli-yin erdem şinjilgen-ü sedgöl. – Nemełte sedgöl, 1987. – Q. 137–176.
- Altwood C.** Titles, appanages, marriages, and officials: A comparison of political forms in the Zünghar and thirteenth-century Mongol empires // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th–20th Centuries / ed. D. Sneath. – Washington: Western Washington University, Center for East Asian Studies, 2006. – P. 610–634.
- Birtalan Á.** An Oirat ethnogenetic myth in written and oral traditions (a case of Oirat legitimacy) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2002. – Vol. 55 (1–3). – P. 69–88.
- Bretschneider E.** Medieval Researches from Eastern Asiatic sources. – L.: Trubner&Co, 1888. – Vol. 2. – 352 p.
- Crossley P.K.** Making Mongols // Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China / eds. P.K. Crossley, H.F. Siu, D.S. Sutton. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 2006. – P. 58–82.
- Daiçing ulus-un** mongyul-un mayad qauli: Nigedüger emkitgel. – Köke-qota: Ebür mongyul-un suryal kümjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2013. – 1236 t.
- Fang Chao Ying.** Amursana // Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912) / ed. A.W. Hummer. – Washington: United States Government Printing Office, 1943. – Vol. 1. – 604 p.
- Hambis L.** Documents sur l'histoire des Mongols à l'époque des Ming. – P.: Presses Universitaires de France, 1969. – XCII, 270 p. – (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Études Chinoises; vol. XXI).
- Kalużynski S.** Iacutica: Prace jakutoznawcze. – Warszawa: Wydawnictwo Akademickie, Dialog, 1995. – 404 s.
- Kempf B.** On the Origin of Two Mongolic Gender Suffixes // Ural-Altischer Jätbucher. Neue Folge. – 2006. – Bd. 20. – S. 199–207.
- Kowalewski J.E.** Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1844–1849. – Vol. I–III. – 2690 p.
- Kuribayashi H., Choijinjab (Comp.).** Word- and Suffix-index to the Secret History of the Mongols, based on the Romanized transcription of L. Ligeti. – Sendai: Tohoku University, 2001. – 954 p. – (The Center for Northeast Asian Studies. Monograf Series 4).
- Mostaert A.** Dictionnaire Ordos. – Peking: Fu Jen Catholic University Press, 1942. – Vol. II. – P. 391–768.
- Natsagdorj Ts.B.** On the Torgud (Kalmyks of the Volga Region) Banner in Western Qalqa during the Middle Years of the Yongzheng Reign (1728–1731) // Saksaha. – 2015. – Vol. 13. – P. 1–24.
- Okada Hidehiro.** Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altische Jahrbücher. Neue Folge. – 1987. – Bd. 7. – S. 181–211.
- Oyirad teüke-yin** durasqal-ud. – Urumçi: Şinjyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. – 496 q.
- Pelliot P.** Histoire secrète des Mongols: Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I à VI. – P.: Adrien-Maisonneuve, 1949. – 199 p.
- Pelliot P.** Notes critiques d'histoire kalmouke. – P.: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien-Maisonneuve, 1960. – Vol. I: Texte. – VI, 237 p.
- Rashiduddin** Fazlullah's Jami u't-tawarikh: Compendium of Chronicles / trans. and annotation by W.M. Thackston. – Cambridge: Harvard University, 1998. – Pt. 1: A History of the Mongols. – XLIV, 244 p. – (Sources of Oriental Languages & Literatures; vol. 45; Central Asian Sources; vol. IV).
- Rybatzky V.** Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – 841 S.
- Serruys H.** Mongols Ennobled During The Early Ming // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1959. – Vol. 22. – P. 209–260.
- Serruys H.** The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1977. – Vol. 37, N 2. – P. 353–380.
- Smedt A., de, Mostaert A.** Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. – Peking: Imprimerie de l'Université Catholique, 1933. – Pt. III: Dictionnaire monguor-français. – 521 p.
- The Secret History** of the mongols. Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / trans. with the historical and antr. comm. by Igor de Rachewiltz. – 2004. – Vol. I. – 1348 p.

Материал поступил в редколлегию 18.01.20 г.,
в окончательном варианте – 19.02.20 г.